

В час ночи в вилловом комплексе «Чжунчэн Фуши» раздался громкий рев, похожий на раскат грома. Черный мотоцикл, оставляя за собой шлейф ветра, въехал в гараж семьи Лу, совершенно не считаясь с тем, что все вокруг спят, ведя себя нагло и вызывающе.

— Это, наверное, Тяо вернулся? — Госпожа Лу, Янь Чуньхуа, спустилась с верхнего этажа, накинув на себя верхнюю одежду, ее шаги отдавались эхом по красному деревянному полу.

В гостиной на первом этаже Лу Цзяньдэ сидел на диване, держа в руках газету. Он бросил взгляд на свою супругу и издал неопределенный звук, как будто не понимая, почему она еще не спит в такое время.

В этот момент умный замок издал звук, и в дом вошел молодой человек в черной кожаной куртке и шлеме. Янь Чуньхуа сразу же подошла к нему:

— Тяо, ты поужинал? Я оставила для тебя сладкий суп, сейчас разогрею.

Лу Цзяньдэ резко встряхнул газету и процедил:

— Всегда только твой сын! Посмотри, до чего ты его довела, он ни учиться не хочет, ни в компанию идти, только и знает, что шляется где попало!

Лу Тяо снял шлем, даже не взглянув на отца, и подошел к матери, обняв ее за плечи:

— Мама, зачем ты спустилась, иди спать. Кто-то не хочет спать, так пусть и не спит.

— Тяо, не говори так... — С тех пор как год назад Лу Цзяньдэ насильно сменил специальность сына, отношения между отцом и сыном стали крайне напряженными. Они встречались как враги, и никто не хотел уступать. Янь Чуньхуа пыталась их примирить, но оба Лу были упрямы и не слушали ее, что очень огорчало профессора психологии.

Лу Тяо только что отпраздновал свое восемнадцатилетие. У него была светлая кожа и небольшое лицо. Глаза, унаследованные от матери, были круглыми и миндалевидными, а в улыбке сквозила некоторая хитрость, делаая его живым и привлекательным. Раньше он выглядел довольно симпатично, но в последнее время, чтобы позлить отца, он увлекся панк-культурой, подводил глаза черным карандашом, красил губы фиолетовой помадой — делал все, чтобы разозлить отца. Со стороны он напоминал палитру художника.

Сегодня он покрасил волосы в зеленый цвет, и теперь он выглядел как свежий зеленый лук — белый снизу и зеленый сверху, полный жизни.

Лу Цзяньдэ, увидев его в таком виде, швырнул газету и закричал:

— Беспольный ты человек! Что за безобразие! Завтра же пойдешь и подстрижешься! Слышишь?!

Лу Цзяньдэ кричал так громко, что Лу Тяо, конечно же, услышал, но он специально сделал вид, что ничего не слышит, чем довел отца до бешенства. Лу Цзяньдэ схватился за сердце и продолжал ругаться, называя его неблагодарным.

Лу Тяо не остался в долгу, поднялся наверх и громко хлопнул дверью, выражая свой протест. И снова все закончилось ссорой.

— Ты только посмотри на него! Совсем от рук отбился! — Лу Цзяньдэ скрестил руки на груди и

начал жаловаться жене.

Но он не заметил, что госпожа Лу была глубоко озабочена сложившейся ситуацией. Лу Тяо давно говорил ей, что хочет учиться рисованию. Семья Лу была обеспеченной, и Янь Чуньхуа не беспокоилась о будущем наследнике, поэтому не стала препятствовать сыну. Но она и подумать не могла, что, пока она была с учениками в деревне Уцунь, занимаясь исследованием психологических травм после катастрофы, Лу Цзяньдэ, воспользовавшись ее отсутствием, разорвал заявление сына и заставил его пойти на финансовую специальность.

Лу Цзяньдэ обычно был немного упрям, но не до такой степени. Когда Янь Чуньхуа стала его расспрашивать, он с неохотой признался, что это было из-за соперничества с семьей Е. Увидев, как успешен старший сын Е, он решил, что его сын не должен отставать, и изо всех сил старался заставить Лу Тяо догнать его.

Янь Чуньхуа не знала, как справиться с этими двумя упрямыми, которые всегда выбирали самые крайние способы общения.

Она была на стороне сына в этом вопросе, понимая, что он был глубоко обижен отцом и нуждался в способе выразить свои чувства. Восемнадцать лет Лу Тяо рос в любви и заботе, и кто бы мог подумать, что первое серьезное испытание в его жизни исходит от собственного отца? Неудивительно, что он был расстроен. Эта обида вызвала запоздалый бунт: все, что ненавидел Лу Цзяньдэ, стало любимым для Лу Тяо, а все, что он запрещал, Лу Тяо делал с удвоенной силой.

Янь Чуньхуа видела, как этот бунт набирает обороты, а поведение Лу Тяо становится все более эксцентричным. Как мать, она не хотела, чтобы ее сын сбился с пути, и после долгих раздумий нашла в записной книжке номер и отправила сообщение.

Лу Тяо проспал до полудня. Янь Чуньхуа и Лу Цзяньдэ не было дома. Он посмотрел в зеркало и увидел, что под глазами у него появились темные круги. Лу Тяо был вполне доволен своим нынешним уставшим видом, потрогал свои новые зеленые волосы и решил отправиться в компанию отца, чтобы вывести его из себя.

Он только сел на мотоцикл и еще не успел далеко уехать, как получил звонок от друга. Это были знакомые, с которыми он познакомился, увлекшись панком. Они звали его вечером на подпольную вечеринку.

Лу Тяо, не раздумывая, согласился. В конце концов, это же просто панк-группа, весело и к тому же можно позлить отца — два в одном! С такими мыслями он решил изменить планы: днем отдохнуть, а ночью оторваться по полной.

Весь день он тщательно готовился, нарядившись в яркий наряд. Зеленые волосы он дополнил наклейками с черепами, а на ушах появилось пять или шесть сережек. Конечно, он не стал делать пирсинг, боясь боли, и использовал магнитные клипсы, которые тяжело свисали с ушей.

Когда он выходил из дома, прямо перед ним остановилась машина Лу Цзяньдэ. Тот высунулся из окна и начал кричать на сына. Лу Тяо ничуть не испугался, разогнал свой мотоцикл «Бог Грома» и промчался мимо лысеющего бизнесмена, снова доведя отца до белого каления.

Подпольная вечеринка проходила в баре, где собирались не только панки, но и множество странных личностей. Обычно, когда они звали Лу Тяо, это было для того, чтобы поиграть в панк-группе. Лу Тяо учился играть на пианино и несколько раз выступал в качестве клавишника.

Благодаря воспитанию матери, Лу Тяо хорошо ладил с этими, казалось бы, странными людьми. Профессор психологии Янь Чуньхуа часто говорила ему, что каждый человек имеет свою ценность, и у каждого поступка есть свои причины. Лу Тяо даже считал, что эти люди, собравшиеся вместе из-за общих интересов, были довольно милыми и простыми.

Но сегодня, войдя в бар, он почувствовал что-то неладное. Под мерцающим светом в воздухе витала странная атмосфера. Лу Тяо машинально потрогал мочку уха и случайно сдернул одну из клипс. Бас-гитарист с фиолетовыми волосами помахал ему рукой. Лу Тяо подошел и заметил, что участники группы смотрели в пустоту, их глаза были стеклянными. Даже он, будучи не самым наблюдательным, понял, что они имели в виду под «оторваться»...

Лу Тяо почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он бунтовал, но только ради того, чтобы позлить отца, а такие вещи, как наркотики, были для него за гранью. Если бы госпожа Янь узнала, что он связался с этим, он бы не дожился до утра.

Люди вокруг продолжали толкать его, и в какой-то момент кто-то сунул ему в руку пакетик с таблетками. Бас и вокалист уже были под кайфом, слюни и сопли текли по их лицам, и они звали его присоединиться.

У Лу Тяо была фобия к грязи, и он скривился от отвращения.

Это просто отвратительно!

Пока все вокруг бесновались, он тихо пробрался в туалет и вызвал полицию. Вскоре полицейские ворвались в бар и задержали всех присутствующих, включая Лу Тяо.

Когда Лу Цзяньдэ приехал, он был так зол, что чуть не схватил дубинку у полицейского, чтобы ударить сына.

— Ты только посмотри на него! Он осмелился пойти в такое место! Я просто в ужасе!

Уши Лу Тяо опухли от магнитных клипс и были красными, как зерна граната. Он гордо поднял голову и огрызнулся:

— А что тут такого? Сегодня это я вызвал полицию, так что это можно считать заслугой.

Отец и сын снова начали спорить, а госпожа Янь, не в силах их остановить, чувствовала себя разбитой. Она вспомнила о сообщении, которое отправила ранее, и, получив ответ, твердо сказала:

— Хватит! Прекратите! Тяо, собирай вещи, завтра едем с мамой в деревню Уцунь. А ты, Лу Цзяньдэ, останешься дома и прочитаешь книгу «Семейное воспитание», а потом напишешь отчет на две тысячи слов!

Добрая госпожа Янь рассердилась, и в семье Лу наступило временное перемирие.

Деревня Уцунь была известна Лу Тяо. Она находилась в южной зоне сейсмической активности, в глуши, куда даже большие машины не могли проехать. Если бы не сильное землетрясение двенадцать лет назад, о ней бы никто и не узнал. Янь Чуньхуа занималась исследованиями психологического восстановления после катастроф и при поддержке правительства проводила там психотерапию, а также спонсировала нескольких местных студентов. Каждый год она получала благодарственные письма из деревни Уцунь.

<http://bllate.org/book/16892/1566107>